

ЛЕТО В ГОРОДЕ

Социологическая поэма

Выпускник факультета журналистики поэт Юрий Лобанцев (1939 — 1997) был одной из незаурядных фигур в кругу творческой интеллигенции нашего города. Еще в юности он написал строки в защиту Культуры, звучание которых на пороге нового тысячелетия обретают, на мой взгляд, все большую актуальность:

Я славлю мысль, презревшую в веках
Позор костра, неумолимость дула,
И вечно славлю тяжесть кулака,
Который сжат
В защиту права думать.

Романтический рационализм Лобанцева основывался на безоговорочной вере в интеллект, без активности которого немислимы ни высокая духовность прогресса, ни объективное постижение истины... Поэт двусмысленно предупреждал, что

Трусам глубина не достается,
Нельзя дерзать,
При этом не дерзя...

Поэму «Лето в городе» Юрий Лобанцев писал в начале 70-х, когда он, заводской журналист и аспирант кафедры философии, готовился сдавать свой кандидатский минимум. Подлинный «шестидесятник», он недоумевал, почему в эпоху НТР государство принижает роль Творчества, и, кстати, будучи убежденным марксистом, поэт «как рентгенолог в темном кабинете» искал причины социального застоя пробуксовавшего социализма.

Автор зрелых историко-философских «Исетских поэм», выразительно рисующих трагические коллизии развития нашего края, в своей ранней поэме делает ставку на реального носителя интеллектуального Прогресса — студенчество:

Врастаем и мы ступеньками Культуры
В извилистую лестницу Натуры.
И те, кто после — только через нас.

Юрий Конецкий

1

....А я остался здесь —
принципиально.
Река Исеть — звучит провинциально.
(Ну, если б Обь —
Так в этом что-то есть!)
Но мне совсем не надобно Исети,
Журчащей кинолентою в кассете.
Мне нужен дом,
В котором можно сесть
На старый стул,
Придвинуть сигареты
И, в городское яростное лето
Открывши запыленное окно,
Уйти к науке
в долгую отлучку —
И в чистый лист нацелить авторучку,
Как целит штурман в белое пятно.

Покуда бедолаги отпускные
Спасаются в бегах, как крепостные,
Хмелеют от пространства и вина,
Я, социолог,
Вглядываюсь в цифры —
Быть может, мне, встающему на цыпки,
Под пеной дней примнится
Глубина.

2

Но я люблю гулять по вечерам,
Когда подставят улицы ветрам
Вспотевшие асфальтовые спины,
Когда Свердловск, трамваями звеня,
Уходит в ночь от бешеного дня,
Восток нащупав стрелкою плотины.

А над Исетью все еще светло,
Но рыбаки вздыхают тяжело,
Еще хитря с червями и крючками,
И свой последний делают замах
В неоновые блики на волнах,
Следя за разноцветными кругами...

На лавочке, близ хмурого Бажова,
От интеллекта менее большого
Разгульно хохотнула молодежь.
Гуляли пса — весьма серьезной масти,
Его язык, свисающий из пасти,
Вдавался в жизнь — на уровне подошв.

Метался пьяный в поисках привала.
Милиция, однако, направляла
Ему навстречу грозные стопы.
И шли студенты — девушки и парни —
Поодиночке, кучкой и попарно
Из университета и УПИ.

Скамья.
Сажусь.
Закуриваю «Новость».
Пока дымок окрашивает ноготь,
Гляжу на толпы...
Смех. Мельканье лиц.
Какая пестрота, несоразмерность!
Но чудится:
Здесь есть закономерность,
Незримое присутствие границ.

Уже невольно связывались вместе —
Страсть к рыбной ловле,
И имевший место
Факт задержанья за нетрезвый вид,
И некультурный хохот молодежи,
И пес, который был замешан тоже,
А вместе с ним — усатый индивид.

Во мне
Все это двигалось, вращалось,
Вокруг оси какой-то обращалось,
Хотя неясно было — что за ось?
Но почему-то выпали студенты,
Как будто лишний кадр из киноленты
При редакции вырезать пришлось.

С моста,
как с бума,
солнце вдруг свалилось.
И все свелось,
Что медленно сводилось —
Встал вывод под отбивкою черты...
И в нем сошлось живое, человечье,
И стыдное, больное —
Как увечье,
Запрятанное в толстые бинты.

И было у меня такое чувство,
Что люди обернутся,
покачнутся,
Смутятся — словно знают, от чего...
Плыла толпа.

Ничто не изменилось.
Пронес рыбак все то, что изловилось,
И — жизнью утомленное чело.

Постой, рыбак!
Ведь ты не рыбы хочешь.
Заткнись, пижон, —
ты ржешь, а не хохочешь!
Отдай, усач, собаку в погранчасть!
И ты не трагик — просто алкоголик.
Чтоб покороче было в протоколе,
Рубаху не дери! Пора кончать...

3

Спускалась ночь.
И в сумеречном свете,
Как рентгенолог в темном кабинете,
Включивши мозга тайный аппарат,
Я постигал — в процессе рассужденья —
Людскую жажду самоутвержденья,
Смешной парад довольства и бравад.

Что мудрецы с горящими очами,
Над целым миром бдившие ночами!
Великим стать — не каждому дано.
Смысл — в творчестве?
Но разве для невежды
Быть не должно ни счастья, ни надежды,
Что повезет хоть в чем-то все равно?

Талант!..
Не штука — выбиться с наследством.
Посредственность —
она живет по средствам
И, не хватая звезды с потолка,
Собаку купит!
Ведь собаководство
Дарует ощущение превосходства
Тому, кто держит кончик поводка.

...Чем суть сложна? Таблицей упрощенья,
Коль труден взлет —
Возможны утешенья
От жизни, от работы, от семьи...
Пускай не быть —
хотя бы показаться!
Ведь завтра снова надо покоряться,
Вставая по будильнику к семи.

Так вот оно —
Мы все, конечно, люди —
Когда страдаем, гневаемся, любим,
Стремимся что-то помнить иль забыть...
В конце концов все правды объяснимы!
Но вместе с тем они несовместимы,
Как Гамлетово:
Быть или не быть?

Век космоса, рыбалки и футбола,
Вопроса:
«А куда смотрела школа?»,
Век гениев, героев
И пьянчуг!
Как обратимы все его успехи,
Коль уравнивать с Мышлением — утехи
И хлеб труда —
С окрошкой из причуд!

Возропщет совесть? Древние скрижали
В оправе чувств?
Да не они ли гнали
В темницы Разум, возвышавший дух, —
За то, что он, презрев костры и плети,
Смел выгребать дерьмо тысячелетий
Из одиночных камер наших душ?

Что проку нить:
мол, вот — седые пряди...
А может быть, и нет на свете правды
Для тех, кто глуп,
ленив
и просто слаб?

И прав лишь тот,
В ком — воля, ум и дерзость,
Кто знает, ЧТО ломать ему и делать,
К богам всех утешителей послав!

4

Да, ахи мира — это не по мне.
Сермяжный смысл таятся в глубине,
Но трусам глубина не достается.
Нельзя дерзать,
При этом не дерзя!
Не зря порою сердятся друзья —
Им от меня порядком достается.
Все медленней даются мне стихи,
И ломит спину, точно от сохи...

Из-под ладони дымки
смотрит город.

Я губы в напряжении грызу,
Я будто тыщу тонн ему везу,
Как поезд, подымающийся в гору.

Уходит время...
Летний день уходит...
Мышление — утомительное хобби,
Когда сквозь миг разгадываешь век,
Где скоростью полны аэродромы,
Но так еще медлительны подъемы
Твои, мой соплеменник —
Человек.

И к каменному берегу реки
Несу я раскаленные виски,
Чтоб остудить...
И вспомнились студенты
С потертыми портфелями в руках,
На скошенных асфальтом каблуках
Спешившие в общагу по ступенькам...

Я знаю — в лихорадке сессионной
Им не забыть ни прелестей сезона,
Ни запах вин,
Ни первую любовь,
Но все же им —
вначале незнакомо —
Предстанет жизнь сплетением Законов —
Там, под ночной испариною лбов!

Грядущий век готовит свой диплом.
И не в ухмылках, и не в комплиментах —
останется в стихах и перфолентах
То время, сквозь которое идем.

Нет вечности и мига
без Эпохи!
И если не на вздохе, а на вдохе
Ударит в грудь, как пуля, дальний час —
Врастем и мы
ступенькою Культуры
В извилистую лестницу Натуры.
И те, кто после —
только через нас...

70-е гг.